

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

4 УН
Р-3111

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИЧАЖАМИ.

1859.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Свѣшниковъ, Щенкина, Лоскутова, Улитина, Салаева, Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова и Комп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. с. въ годъ.
съ доставкою. 4 " "
Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ безъ доставки 4 " "
Съ пересылкою въ города. . . 5 " "

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

СОДЕРЖАНІЕ: Первая любовь моей бабушки. Разсказъ М. И. Воскресенскаго. — Шамиль, (съ портретомъ). — Обѣтъ Вифориды. Повѣсть Диккенса. — Петербургскій телеграфъ. А. К. Злова. — Юмористическіе эскизы. Марченко. — Пародія. Н. Потапова. — Изъ старины. — Рисунки И. О. Шестакова.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ МОЕЙ БАБУШКИ.

РАЗСКАЗЪ.

Это было не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ...

— Какъ? вразить мнѣ недовѣрчиво читатель; какъ? не дальше какъ на прошлой недѣлѣ бабушка твоя влюбилась? — Да еще какъ влюбилась: первою любовью! — Это что-то слишкомъ мудрено и неестественно; положимъ, что въ паншѣ вѣкъ (а можетъ быть и во всѣ вѣка) старушки влюбляются; но какъ же *первою-то* любовью? До старости доходишь не скоро:

«А какъ ужъ старику

«Нигдѣ не встрѣтятся съ амуромъ на вѣку»?

сказаль не помню кто-то, и сказаль, по моему, довольно вѣрно.

— Да это вѣрно, читатель, вѣрно, такъ же точно, какъ и твое возраженіе мнѣ. Не ловко только одно: ты ужъ заспорилъ съ самаго начала съ разсказчикомъ. Имѣй терпѣніе. Прочти все, и тогда ужъ и возражай, и осуждай смиреннаго разсказчика, пока требующаго отъ тебя не болѣе, какъ благосклоннаго вниманія!

Да! И такъ это было не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ, именно 26-го августа, день столь святой и дорогой для сердца каждаго русскаго человѣка, — день, въ который за три года тому назадъ, мы, счастливые Москвичи, любовались лицезрѣніемъ новокороно-

ванныхъ двухъ ангеловъ-хранителей Россіи! Въ этотъ день, какъ не безызвѣстно читателю, празднуется также память свв. Адріана и Наталіи, а бабушку мою, о которой повелѣя я рѣчь, зовуть Наталіей Дмитріевной, слѣдовательно, она именинница, и мнѣ необходимо нужно было ее поздравить.

Но для этого потребно не мало и времени, и духу, потому что предстоитъ сдѣлать не маловажное путешествіе, а именно — изъ-за Москвы-рѣки въ третью Мѣщанскую, гдѣ у бабушки-именинницы доживаетъ вмѣстѣ съ нею, чуть ли не ровѣстникъ ея, большой деревянный домъ съ огромнымъ запущеннымъ садомъ, съ заплѣснѣвшимъ прудомъ, на которомъ догниваетъ, уныло качающаяся изъ стороны въ сторону, какъ старушка съ трясущеюся отъ лѣтъ головою, когда-то разкрашенная, а теперѣ давнымъ давно полинялая лодка, прикрѣпленная веревочкой къ воткнутому на берегу колышку, и съ широкими воротами неопредѣленнаго цвѣта, по сторонамъ которыхъ на верхушкахъ когда-то красовались два сидящіе льва, но которые теперѣ, обезглавленные временемъ, и съ провалившимися спинами, представляютъ видъ двухъ какихъ-то корытъ, слишкомъ неуклюжей формы.

Такихъ домовъ, правду сказать, остается немного въ настоящее время въ Москвѣ бѣлокаменной, которая начинаетъ довольно удачно передразнивать Петербургъ,

да кстати уж прибавить, — такихъ и бабушекъ, какъ Наталья Дмитриевна, также первой-другой обчелся! Ей девяносто два года, а еще у ней цѣлы зубы; ходитъ она безъ палочки; за столомъ у ней подается постоянно пять блюдъ, реэстръ которымъ официантъ кладетъ ей обыкновенно подъ салфетку ея прибора. Она даже читаетъ безъ очковъ, носить довольно красивые и не безвкусные чепчики съ лентами кофейнаго цвѣта, а по лицу ея, какъ по развалинамъ Коллизея, можно безошибочно заключить, что она нѣкогда, или лучше сказать, въ свое время, была красавицей.

Итакъ я отправился въ двѣнадцатомъ часу утра съ поздравленіемъ къ моей бабушкѣ Натальѣ Дмитриевнѣ, въ третью Мѣщанскую.

Кондратій Кондратьичъ, старый слуга, «официантъ», какъ обыкновенно звали его всѣ въ домѣ, съ почтительною ласкою встрѣтилъ меня на крыльцѣ, первый поздравилъ съ дорогою имянинницей и ввелъ въ залу, гдѣ уже приготовленъ былъ завтракъ, даже нѣсколько и початой, потому что имянинница служила на дому молебень и угощала своего приходскаго батюшку-духовника съ причтомъ, какъ замѣтилъ мнѣ Кондратій Кондратьичъ.

— Здорова бабушка? спросилъ я.

— Все слава Богу!

— Гдѣ она?

— У себя въ опочивальнѣ.

— Одна?

— Одна-одинехонька!

— Не почиваетъ ли?

— И, что вы, батюшка баринъ! Когда же днемъ опочиваетъ Наталья Дмитриевна? У ней этого и съ молоду не было въ заведеніи.

— Да то съ молоду, старица, а теперь....

— И теперь все тоже. Добрыя души не старѣются и съ годами!

— Души-то, можетъ быть, и не старѣются, какъ говоришь ты, Кондратьичъ, да тѣло-то наше больно устаетъ и изнашивается....

— У насъ и того нѣтъ. Старая барыня и теперь какъ маковъ цвѣтъ. Посмотрите-ка, сударь, сегодня какъ принарядилась, для дня своего ангела, такъ что тебѣ иная и молодая! Извольте отправиться къ ней сейчасъ?

— Не лучше ли прежде доложить ей обо мнѣ? Бабушка во всемъ любить чинъ и порядокъ.

— Да ужъ она видѣла васъ въ окно, какъ вы проѣзжали.

— А ты почему знаешь?

— Изволила крикнуть: «вонъ Миша ѣдетъ!» Извините, сударь, что я осмѣлился повторить запросто ея слова....

— Ну ладно; я отправлюсь къ ней прямо и безъ доклада.

— Лошадокъ-то, сударь, не прикажете ли отпречь, да овсецомъ маленько полакомить? вѣдь вы у насъ навѣрно кушать останетесь?

— Не знаю, Кондратьичъ?...

— Да ужъ безъ сѹмнѣнія! Бабушка васъ не пустить.

— Ну хорошо: распорядись, какъ знаешь. И я отправился въ бабушкину опочивальню.

Комната, въ которой нашель я имянинницу, была не то что кабинетъ нашихъ современныхъ барынь: — нѣтъ, это была именно «опочивальня». Опочивальня эта была продолговатая комната въ три окна, оклеенная зелеными обоями съ золотою бордюркою, у оконъ до половины были опущены сторы. Кисейныя бѣлыя занавѣски, перехваченныя по срединѣ, какъ станъ красавицы, красными шелковыми снурками, висѣли до самаго пола. У задней стѣны, за ширмами краснаго дерева, со стеклами вверху, затянутыми зелеными гроденаплевыми занавѣсками, стояла кровать довольно изящной формы, съ пологомъ изъ кисеи, какъ у нашихъ дѣтскихъ кроватокъ. Бабушка не любила, чтобы ее беспокоили мухи въ лѣтнее время; потому что она никогда не приказывала закрывать ставней на ночь, любила видѣть въ просонкахъ постепенный ранній разсвѣтъ въ лѣтнее время, когда ночи бываютъ такъ коротки. За этими ширмами, въ переднемъ углу, стоялъ огромный кивотъ съ образами стариннаго писанія, въ богатыхъ позолоченыхъ окладахъ и съ вѣчно неугасимою лампадою, на масло для которой бабушка по усердію своему обыкновенно работала сама, своеручно, и на вырученныя за работу деньги теплила свою лампаду.

Въ противоположномъ простѣнкѣ помѣщался огромный туалетъ, отдѣланный по красному дереву бронзою, съ кучею мелкихъ ящичковъ, съ двумя цѣлующимися голубками изъ эмали надъ круглымъ зеркаломъ, и съ парю таковыхъ же амуровъ у боковыхъ колоннъ туалета. Передъ нимъ постоянно стояло широкое кресло, обитое цвѣтною шелковою матеріею съ крупными разводами. Подлѣ кресла стояла скамеечка для ногъ съ вышитою по канвѣ, по красной шерсти, мохнатою болонкою.

У главной стѣны опочивальни красовался широкій диванъ или «софа», — какъ называла ее бабушка, — обитый малиновой бомбою. Передъ диваномъ обычный, овальный, и также бронзою вычурно украшенный столъ, и четыре неизбѣжныхъ кресла по бокамъ. Надъ диваномъ нѣсколько миниатюръ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ; два медальона съ пучечками волосъ за стекломъ и съ завѣтными вензелями, — родныя, а, можетъ быть, и сердечныя воспоминанія бабушки! Если прибавить къ этому еще небольшой органчикъ, которымъ бабушка учила пѣть своихъ канареекъ, да огромнаго сѣраго кота, который большую часть дня

спалъ въ отведенномъ для него углу на мягкой подушкѣ, то вотъ, кажется, и все, что можно сказать о бабушкиной опочивальнѣ.

— Честь имѣю поздравить васъ, бабушка, съ днемъ вашего ангела и пожелать вамъ всего прекраснаго въ природѣ! сказалъ я входя въ бабушкину опочивальню и почтительно цѣлуя руку у дорогой именинницы.

— Благодарствуй, другъ мой, Миша! отвѣчала съ доброю, обычною своею улыбкой бабушка и крѣпко поцѣловала меня въ щеку.

— Какъ ваше здоровье?

— Очень не дурно для моихъ лѣтъ, благодаря Бога! Придвинь-ка кресла, садись подлѣ меня, хоть ваша братья — молодежь и не большіе охотники бесѣдовать со старухами...

— Молодежь! Помилуйте, бабушка, да у меня самого начинаютъ пробиваться кой-гдѣ сѣдые волосы...

— Первый, ранній снѣгъ, еще зимы не дѣлаетъ, дорогой внучекъ. А скажи-ка ты мнѣ, чего бы, напри- мѣръ, болѣе всего желалъ ты своей бабушкѣ, поздравляя ее съ ангеломъ, и что ты разумѣлъ подъ своею модною фразою: «желаю вамъ всего прекраснаго въ природѣ?»

— Я разумѣлъ тутъ, любезная бабушка, все то, чего вы сами себѣ желаете.

— А чего, ты думаешь, я болѣе всего желаю сама себѣ въ настоящее время, дружокъ Миша?

— Не знаю вполне, но думаю, что здоровья, бабушка, отвѣчала я съ улыбкою.

— Оно почти что такъ... Въ настоящее время, я болѣе всего желаю пожить еще какъ можно подольше на свѣтѣ. Жизнь такъ хороша! Что же ты выпучилъ на меня съ такимъ удивленіемъ глаза, Миша? Тебѣ вѣрно кажется страннымъ, что девяносто-лѣтняя старуха любитъ еще жизнь и даже говорить, что она такъ хороша для нея... Не правда ли? говори откровенно.

— Почти что такъ, бабушка!

— Я это и знала! Но вотъ видишь ли что, другъ Миша: жизнь, какъ деньги для человѣка. Чѣмъ меньше ихъ остается въ кошелькѣ, тѣмъ мы становимся скупѣе и бережливѣе на нихъ, тогда какъ прежде бросали ихъ, бывало, безъ малѣйшаго сожалѣнія цѣлыми пригоршнями на пустыки, что вѣроятно и ты дѣлаешь въ настоящее время, дорогой внучекъ!

— Со ершенно согласенъ съ вами, бабушка, и даже уважаю отъ души въ васъ такой образъ мыслей, отвѣчала я, цѣлуя руку доброй бабушки. Увѣренъ и въ томъ, прибавилъ я, что Провидѣніе на этотъ разъ вполне выполнитъ ваше желаніе и пошлетъ вамъ въ жизни еще много лѣтъ и веселыхъ, и покойныхъ!

— Много-то желать ужъ оно немножко и совѣстно, съ улыбкою сказала бабушка,—а ужъ бы счесть себѣ

въ три цифры, хоть нѣсколько годковъ на Божьемъ свѣтѣ, правду тебѣ сказать, дружокъ, Миша, мнѣ бы очень хотѣлось!

— Отчего же и не такъ, бабушка? живутъ люди и гораздо за сотню лѣтъ...

— Да; только изъ сотенъ-то такіе выходятъ единицами. Въ прошлогоднемъ календарѣ, впрочемъ, я вычитала, что какой-то проказникъ ухитрился прожить сто восемьдесятъ лѣтъ... вотъ такъ молодець!

— Ну ужъ это, если правда, было, я думаю, тяжело и для него самого! недовѣрчиво возразилъ я бабушкѣ.

— Это что за исторія, любезный внучекъ? чуть не съ досадою сказала старушка. Да я бы съ своей стороны ничего такъ сильно не желала, какъ прожить столько же на свѣтѣ—сто восемьдесятъ лѣтъ! Шутка сказать! Мнѣ бы, значить, пришлось прожить еще девяносто лѣтъ! Да вѣдь это бы значило, что Господь подарилъ мнѣ вторую новую жизнь, со всѣми ея радостями и наслажденіями!

Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на бабушку. Какова старушка! Чуть не сто лѣтъ прожила на Божьемъ свѣтѣ, да еще готова припросить себѣ девяносто! Вѣрно дѣйствительно «ей жизнь была такъ хороша», употребляя собственное ея выраженіе? Не правду ли я сказалъ въ началѣ моего разказа, что такихъ бабушекъ, какъ моя, не много на бѣломъ свѣтѣ, читатель?

— Что, Миша, скажи по правдѣ, продолжала между тѣмъ бабушка, вѣроятно замѣтившая мое изумленіе при послѣдней ея выходкѣ:—вѣдь тебѣ мое желаніе—прожить столько же, сколько я жила, кажется невѣроятнымъ, можетъ быть, даже безумнымъ, не такъ ли?

— Почти что такъ, бабушка.

— А между тѣмъ я не лгу!

— Но ради самаго Неба, скажите мнѣ откровенно, милая, безцѣпная моя бабушка, что же бы вы стали дѣлать съ этою долгою, и по моему образу понятій, скучною и тяжелою жизнію? Вопросъ этотъ чрезвычайно интересуетъ меня.

— А отвѣтъ очень простъ, глупенькій мой внучекъ. Что бы я дѣлала, спрашиваешь ты?

— Да, бабушка.

— Просто бы жила себѣ!

— Но...

— Да тутъ нѣтъ никакого *но*. Жила бы, мыслила, слушала хорошую музыку, нюхала душистые цвѣты, любовалась на свѣтлое солнце, цѣловала дѣтей, по временамъ читала умную книжку и даже, можетъ быть, любила бы...

— Какъ любили бы, бабушка? вскричалъ я почти съ испугомъ и даже соскочилъ съ моего кресла...

— Не бѣснуйся, Миша, сиди смирно и даже, если

хочешь, закури свою несносную сигару. Я тебѣ сегодня, для моихъ именинъ, позволяю это.

— Merci, добрая бабушка, а мнѣ, ужь признаться, давно хочется...

Я закурилъ сигару. Бабушка продолжала ласково и съ небольшимъ подавленнымъ вздохомъ:

— Не правда ли, слово «любовь» въ устахъ девяносто-двухъ-лѣтней старухи кажется большимъ анахронизмомъ, какъ выражаетесь вы нынче въ вашихъ учено-модныхъ разсужденіяхъ?

Я молчалъ, потому что, по правдѣ сказать, не зналъ что отвѣтить.

Бабушка продолжала:

— Такую любовь, какую способенъ ты ощущать въ твои годы, милый мой Миша, бабушка твоя знала въ свое время, и знала, можетъ быть, много тверже и сильнѣе твоего; а такую любовь, какую я теперь представляю себѣ — ты не знаешь, да, можетъ быть, и не узнаешь, развѣ только доживешь до моихъ лѣтъ. Охъ, эта любовь! эта любовь!

Бабушка задумалась и поникла своею умною и красиво прибранной головкой... Ну право, она была хороша, почти молода въ эту минуту.

— Милая бабушка, началъ я послѣ небольшого взаимнаго молчанія.

— Что, милый впучекъ? отвѣтила она отрывисто, какъ будто разбуженная отъ сладкаго сновидѣнія своимъ голосомъ.

— У меня есть къ вамъ просьба; не откажите мнѣ въ ней, для дня вашего ангела...

— Что такое?

— Будьте сегодня вполне искренны и откровенны со мной!

— Я всегда такова. Но что ты хочешь сказать этими словами?

— Вы любили въ вашу жизнь?

— Любила, и даже не одинъ разъ.

— Разкажите мнѣ что нибудь изъ этой отдаленной эпохи вашего существованія...

— Именно отдаленной! Съ новымъ вздохомъ сказала бабушка и начала ласкать вспрыгнувшего къ ней въ эту минуту на колѣни любимца ея — сибирскаго кота.

— Вѣдь ты у меня объѣдаешь сегодня, Миша? продолжала она.

— Конечно такъ, бабушка!

— Ну хорошо, и вотъ за то, что ты не скучаешь со старухой, я послѣ объѣда разкажу тебѣ исторію моей первой любви, если хочешь.

— Милая бабушка!

— Какой ты еще ребенокъ, Миша!

И бабушка поцѣловала меня какъ-то горячѣе обыкновеннаго два раза въ лобъ и поправила заботливо во-

рошнички у моего галстука, какъ мать у любимаго дитяти, который, рѣзвясь, порастрепалъ свой туалетъ.

— А пока въ ожиданіи моего разсказа, прибавила бабушка,—потрудись снять со стѣны, около моей постели, миниатюрный портретикъ, что въ золотомъ ободочкѣ! Такъ какъ этотъ медальонъ будетъ играть главную роль въ исторіи любви моей, то я напередъ хочу показать тебѣ его.

Я исполнилъ, что было приказано. Въ золотомъ, подаренномъ мною бабушкѣ медальонѣ былъ портретъ мужчины, истиннаго красавца, въ полковничьемъ мундирѣ Екатерининскаго вѣка.

— Не правда ли, хорошъ? спросила меня бабушка, любясь и сама на портретъ молодого полковника, при чемъ рука ея немножко задрожала и въ глазахъ показалось что-то похожее на запоздалую слезу любви. Эта слеза была какъ-то такъ печальна и сиротлива, какъ послѣдній забытый плодъ осенью на обобранномъ рукою садовника деревѣ... мнѣ стало почти грустно...

Послѣ объѣда бабушка разсказала мнѣ исторію первой любви своей. Передаю ее читателю, только уже своими словами. Мнѣ не сумѣть разсказать ее такъ, какъ разсказывала бабушка, Наталья Дмитриевна.

М. ВОСКРЕСЕНСКІЙ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Ш А М И Л Ъ, ИМАМЪ ЧЕЧНИ И ДАГЕСТАНА.

Двадцать шестое августа, день священнаго коронаванія нашего обожаемаго Монарха, ознаменовался но-

вымъ блестящимъ успѣхомъ русскаго оружія: телеграфическая депеша съ Кавказа извѣстила насъ о взятіи въ плѣнъ Шамиля, грознаго предводителя горцевъ. Представляя нашимъ читателямъ портретъ его, заимствованный нами изъ любопытнаго сочиненія «Кавказскія Плѣнницы, или плѣнъ у Шамиля» Е. А. Вердеревскаго, мы считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь краткое описаніе наружности Шамиля.—Въ извѣстіи, напечатанномъ въ Journal de St.-Petersbourg, сказано, что ему теперь 62 года; но въ письмѣ прусскаго офицера, служившаго въ русскихъ войскахъ на Кавказѣ и сопровождавшаго Шамилева сына Джемаль-Эддина при возвращеніи его къ отцу, въ 1854 году, сказано, что Шамилю около 55 лѣтъ. Слѣдовательно ему теперь около 60 лѣтъ, а по другимъ показаніямъ еще того мѣнѣе. Происхожденіе его неизвѣстно, а мѣстомъ его рожденія считаютъ ауль Гимри, или Гымри, въ области Консубу. Онъ, по словамъ этого офицера, довольно плотный и видный мужчина; его красивое и правильное лицо осѣняетъ черная, тщательно причесанная борода; въ темныхъ, почти всегда полузакрытыхъ, глазахъ его видны умъ и чувство, и вообще вся наружность его имѣетъ много благороднаго и внушающаго уваженіе. Кромѣ того онъ обладаетъ такимъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, что, по восторженному выраженію горцевъ, когда онъ говоритъ, «глаза его извергають пламя, а изъ устъ сыплются цвѣты». Послѣ всего этого не удивительно то вліяніе, которое производилъ онъ на всѣхъ, его окружающихъ, и та фанатическая преданность, которую питалъ къ нему народъ въ продолженіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ.

Желающимъ познакомиться ближе съ характеромъ и домашнею жизнію этого замѣчательнаго чловѣка совѣтуемъ прочесть въ высшей степени занимательное и любопытное сочиненіе г. Вердеревскаго.

ОБЪТЪ ВИНФРИДЫ.

(Изъ Диккенсова журнала «Household Words».)

Въ лунный осенній вечеръ, Винфрида Джемсъ сидѣла на берегу моря съ подругой своей Гресь Вильсонъ. Тонкое, кисейное платье Гресь, отсырѣвшее отъ сильной росы, обвисло и прилипло вокругъ ея стана, распутившіеся локоны лежали на груди ея, и блѣдное лицо ея при свѣтѣ осенней луны смотрѣло блѣднѣе и грустнѣе обыкновеннаго. Въ опущенныхъ ея глазахъ, печально устремленныхъ на мрачныя волны, не было слезъ, но они были полны грусти болѣе глубокой, чѣмъ когда либо высказывали ее или облегчали слезы. Исхудавшія ея руки небрежно лежали на ея ко-

лѣняхъ, ладони горѣли, какъ въ огнѣ, сжатые губы пересмягли, въ ней не было ни надежды, ни радости, ни жизни, ни силы душевной, — лишь мрачное отчаяніе и безнадежная, безконечная скорбь, рѣзко высказывались на лицѣ ея.

Часто Винфрида пыталась объяснить себѣ странную таинственность, которою, съ недавняго времени, окружала себя Гресь, потому что было время, когда она ее знавала не тѣмъ убитымъ существомъ, какимъ видѣла теперь; но, ограничиваясь обѣщаніемъ, когда-нибудь все ей рассказать, Гресь обыкновенно, каждый разъ, когда подруга ея касалась этого предмета, переходила къ другому. Однакожь въ этотъ вечеръ она не останавливала ее; потому ли, что наступило время, ею самой назначенное на объясненіе, или потому, что не могла долѣе противиться нѣжной любви и покойной твердости Винфриды. Быстро схвативъ ея руку, она приложила ее къ своей груди, и, наклонившись къ ней, что-то шепнула ей на ухо. Винфрида вздрогнула, отскочила, и закрыла лицо обѣими руками.

— Теперь ты будешь ненавидѣть меня, сказала Гресь беззвучнымъ голосомъ, опустивъ руки на колѣна: подобно всѣмъ прочимъ, которые о томъ узнають, ты будешь презирать меня, ты покинешь меня. Я это заслужила!

— Никогда, никогда! съ живостью воскликнула Винфрида, смотря на нее сквозь слезы и цѣлуя ее: никогда, Гресь.

— И его также? спросила Гресь;—ты не оставишь его, когда я умру.

— И его также,—я не оставлю его; но ты не умрешь, Гресь, ты не можешь умереть; когда душа твоя услышитъ этотъ слабый голосокъ, она вернется на землю, хотябъ уже была у преддверія неба.

— Небо? для меня? сказала Гресь. Нѣтъ, Винфрида, права мои на радости земныя и надежда на небесныя, похоронены въ одной могилѣ съ моею честью. Въ настоящемъ моемъ положеніи, ты не должна желать мнѣ жизни. На что мнѣ она? Мнѣ только предстоитъ вѣчный позоръ и мучительное сознаніе, что все, что мнѣ дорого, все, что мнѣ близко, вмѣстѣ со мною погружено въ бездну моего униженія. Кто будетъ ему матерью, когда меня не станетъ? Бѣдная крошка! Что онъ сдѣлалъ, чѣмъ заслужилъ это послѣдіе скорби и позора?

— Я буду ему матерью, Гресь, сказала Винфрида. Я буду любить его и всю жизнь заботиться о немъ. Ежели ты оставишь его, ежели умрешь, обѣщаю тебѣ, что онъ не останется сиротою; пока я жива, у него будетъ мать во мнѣ.

— Поклянись мнѣ въ этомъ, дорогая Винфрида!

— Клянусь! торжественно сказала дѣвушка, поднявъ руку къ небу.

— Теперь я умру спокойно, сказала Гресь, цѣлуя ее. Смерть не страшна мнѣ теперь, когда я знаю, что ребенокъ мой не останется безъ матери. Страшна! Нѣтъ, смерть мнѣ лучший другъ, единственная надежда моя, истинно посланникъ Божій. О Винфрида! какъ мнѣ благодарить тебя? Ты не знаешь, подъ какимъ тяжкимъ бременемъ скорби я изнемогала сегодня вечеромъ, на пустынномъ этомъ берегу,—бременемъ, снятымъ съ души моей твоими руками. Но поступокъ твой не останется безъ возмездія. Богъ караетъ и награждаетъ; рука, поразившая меня, укрѣпитъ тебя. Теперь пойдемъ домой. Я устала, Винфрида, и сердце мое переполнено; я пойду молиться—не за себя, я не смѣю за себя молиться, но за тебя, и за это еще не рожденное существо могу я молиться, и Господь услышитъ мою молитву о писпосланіи вамъ его благодати.

Прошли недѣли и Винфрида стояла подлѣ умирающей Гресь. Настала роковая минута, и согласно съ ея предсказаніемъ, часъ рожденія ея ребенка былъ также часомъ ея смерти. Винфрида не забыла своего обѣта: она взяла это дитя скорби, стыда и смерти, и увезла его къ себѣ, съ такою нѣжною заботливостью, какъ бы рожденіе его было источникомъ радости цѣлаго народа. Мать ея, кроткая, добрая, слабая женщина одобрила (по крайней мѣрѣ молчаніемъ) поступокъ, которымъ дочь ея ставила себя въ необыкновенное положеніе; она не хвалила, но и не осуждала ея, предоставляя ей полную волю. Она только вознесла глаза и руки къ небу и воскликнула: «Гресь Вильсонъ! Ктобъ это подумалъ?» и это печальное происшествіе не подверглось дальнѣйшему разбору. Однакожь со временемъ не было недостатка въ людяхъ, находившихъ эту преданность очень смѣшною, и ясно дававшихъ замѣтить, что считаютъ маленькую Мери болѣе близкою Винфридѣ, чѣмъ простой пріемышлѣ. Хорошо, говорили они, мистрисъ Джемсъ быть такой сострадательною, а Винфридѣ такой великодушною, — на это онѣ имѣютъ другія причины, кромѣ романической нравственности. Повѣрьте, что когда иные хотятъ казаться лучше другихъ, то они на дѣлѣ вѣрно много ихъ хуже.

Гресь Вильсонъ умерла и странное о ней послышались слухи; по кто могъ сказать справедливы ли они были или нѣтъ? Однако облако, омрачающее могилу бѣдной Гресь, также падало и на Винфриду, и роковая истина, — что всякое зло по распространяемому имъ вліянію безконечно,—легла пятномъ на бѣднаго ребенка и на юную его воспитательницу.

Поразительна была перемѣна, или лучше сказать, поразительно было развитіе, произведенное этимъ отношеніемъ въ Винфридѣ. Она всегда была серьезнаго характера, глубокаго чувства, и грустное происшествіе, случившееся съ подругой, ей почти столь же близкой,

какъ сестра, печальная ея кончина, наконецъ это материнское отношеніе къ ея ребенку, какъ бы вызвали наружу все, что было серьезнаго въ ея характерѣ, и уничтожили послѣдніе слѣды дѣтства. Но эта перемѣна придавала еще болѣе прелести ея характеру; она всегда нравилась, теперь же возбуждала удивленіе; прежде она была лишь добродѣтельна, теперь являлась героиней. И какъ она любила эту малютку! Впрочемъ, надобно сказать, что ребенокъ былъ точно прелестный; онъ привлекалъ самъ по себѣ, еслибъ и не существовало другихъ причинъ, возбуждающихъ къ нему участіе. Поленькое, кудрявое дитя, которое цѣлый день смѣялось, кричало, работало маленькими ножками и бессмысленно размахивало пухленькими, сжатыми кулачками, не щадя ни собственнаго носа, ни глазъ своихъ; ребенокъ живой, неугомонный, съ весьма строгими понятіями о собственномъ достоинствѣ, и постоянно требующій хоть одного слуги, для исполненія своихъ прихотей; ребенокъ безразсудный, своенравный,—но ребенокъ по сердцу женщины. Этому—то маленькому существу Винфрида посвятила жизнь свою, не обращая вниманія ни на холодные взгляды, ни на презрительныя слова свѣта, не помышляя, что можетъ настать день, въ который другая любовь станетъ между ею и ребенкомъ.

Луи Блекъ былъ очень друженъ съ Винфридою; они жили, какъ братъ съ сестрою, и были неразлучны. Луи было двадцать пять лѣтъ, также какъ и Винфридѣ, — малюткѣ Мери въ это время было около трехъ. Случай и обстоятельства сдѣлали ихъ друзьями, но отъ природы въ нихъ было мало симпатичныхъ струнъ. Луи былъ отважный, энергическій, достойный уваженія молодой человекъ, но преимущественно человекъ свѣтскій, ловкій, честолюбивый, и въ высшей степени не романическій. Винфридѣ въ немъ нравилась его мужественность: онъ былъ высокъ, красивъ, силенъ и практиченъ, однимъ словомъ, идеаль мужскаго могущества, между тѣмъ какъ матеріализмъ и свѣтская гордость, унижающіе его характеръ, не находили случая къ развитію въ тихой сельской жизни.

Они вмѣстѣ гуляли, катались, часто сидѣли вмѣстѣ на берегу того самаго моря, которое когда-то уносило слезы бѣдной Гресь; вмѣстѣ читали, разсуждали, занимались науками, покуда наконецъ всѣ условія ежедневной жизни ихъ до того переплелись, что ни которому изъ нихъ не приходило на умъ, чтобъ было возможно раздѣлить ихъ. Винфрида вообще такъ мало думала о любви, что ей и въ голову не приходило спросить себя, — любовь ли это, или дружба, — а Луи слишкомъ хорошо зналъ, какъ огромно его честолюбіе, и какъ сильно имъ переполнено его сердце, чтобъ допустить мысль, что въ этомъ сердцѣ могло бы еще

оказаться мѣсто для какой либо другой страсти. Однакожь Луи сталъ думать о Винфридѣ болѣе, нежели самъ въ томъ желалъ сознаться, и даже сталъ подумывать, какъ бы устроить свою жизнь, еслибъ ему пришлось на ней жениться. Онъ располагалъ такъ, что еслибъ это могло когда-нибудь случиться, то первымъ его дѣломъ было бы отправить маленькую Мери въ воспитательный домъ, или отдать ее куда-нибудь на воспитаніе. Во всякомъ случаѣ онъ не хотѣлъ, чтобъ она была при Винфридѣ, полагая, что это будетъ хорошо для самой дѣвочки; что же касается до счастія Мери, то онъ находилъ, что ей необходимо слѣдовало нести послѣдствія своего грустнаго положенія. Конечно ея рожденіе было случайностію, и казалось было бы жестоко ее за то наказывать, однакожь рожденіе принца крови также случайность, а онъ, не менѣе того, пользуется его выгодами. Такъ разсуждалъ Луи, куря свою сигару, и воображалъ, что разсуждаетъ умно и справедливо.

Такъ шли дѣла въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ вдругъ пришло письмо, требующее немедленнаго отъѣзда молодаго человѣка въ Лондонъ, по случаю весьма важнаго дѣла, касающагося будущей его карьеры. Луи былъ весьма доволенъ надеждою на скорое вступленіе въ ученую должность, на что смотрѣлъ онъ, какъ на первую ступень той огромной лѣстницы, на которую надѣялся взойти; однакожь онъ искренно скорбѣлъ о разлукѣ съ Винфридой. Онъ рѣшилъ проблему и нашелъ, что любовь и честолюбіе могутъ существовать вмѣстѣ, при чемъ положилъ, что разборъ ихъ отношеній будетъ первою темой будущихъ его лекцій.

— Винфрида, сказалъ онъ, я получилъ неприятыя для насъ вѣсти, хотя и хорошія для меня.

— Что такое, Луи? спросила она, приподнявъ голову, сидя на полу, гдѣ играла съ маленькою Мери.

— Оставь на минуту этого ребенка, если можешь, сказалъ онъ отрывисто, и пойдемъ со мною въ садъ.

Винфрида подобрала свои черные волосы, висѣвшіе ниже пояса, послала Мери къ нянѣ и вышла съ другимъ своимъ. Они молча ходили въ продолженіе нѣкотораго времени; Луи былъ блѣденъ и взволнованъ, онъ шелъ скрестивъ руки и грызъ указательный палецъ.

— Что случилось, Луи? спросила наконецъ Винфрида, положивъ руку на его плечо, какъ сестра, — ты такъ блѣденъ, ты дрожишь! о скажи, что съ тобою?

— Я огорченъ, Винни, сказалъ онъ ласково, снявъ съ плеча своего ея руку, и пожимая ее;—я не думалъ, чтобъ я такъ глубоко могъ это чувствовать.

— Чувствовать, что, Луи?

— Разлуку съ Соутъ-Шоромъ.

— Разлуку съ нами? О неужели ты хочешь насъ

оставить! воскликнула Винфрида, и слезы полились ручьемъ. Что будетъ безъ тебя со мною, Луи, мой другъ, мой братъ!

— Такъ тебѣ жаль меня, Винфрида? спросилъ Луи тихимъ голосомъ, нѣжно прижимая ее къ сердцу.

— Какъ ты можешь спрашивать, Луи? Что будетъ жизнь моя безъ тебя? я даже не могу вообразить подобной жизни; Луи, Луи! что будетъ со мною, когда ты меня оставишь!

— Винфрида!—Луи такъ дрожалъ, что едва могъ продолжать,—такъ ты въ самомъ дѣлѣ любишь меня—любишь, какъ любила бы меня жена?

Дѣвушка отскочила, она освободилась отъ его рукъ и устремила на него дикій, испуганный взоръ: Она то краснѣла, то блѣднѣла, сердце ея сильно билось и въ глазахъ потемнѣло. Сначала она готова была сказать «нѣтъ» и бѣжать отъ него на край свѣта, потомъ эти чувства прошли и внутри ея какъ будто что-то порвалось, потомъ она снова возвратилась на прежнее свое мѣсто, обвила руки вокругъ его шеи, и рыдая на плечѣ его, сказала: Луи, мнѣ кажется, что это любовь.

Тогда не было времени для объясненій. Луи не могъ предлагать условій, Винфрида не могла противопоставлять имъ своихъ обязанностей. Сонъ этотъ долженъ былъ продолжаться нѣсколько времени, и скорбь разлуки, смягченная первою радостью любви, казалась имъ сносною. Протекли мѣсяцы прежде нежели Луи заговорилъ о возвращеніи, и другіе мѣсяцы прежде нежели онъ могъ исполнить свое желаніе. Прошло два три года послѣ ихъ разлуки; онъ провелъ это время въ самомъ сердцѣ свѣтской, лондонской жизни,—боролся, трудился, пріобрѣталъ; но эта борьба пробудила и оживила его честолюбіе и всѣ свѣтскія его страсти. Онъ жилъ въ кругу людей образованныхъ, подчиняющихся свѣтскимъ условіямъ, и болѣе нежели когда нибудь самъ усвоилъ себѣ эту условную честь и правдивость, столь далекія отъ истинныхъ. Цѣлью его жизни былъ почетный успѣхъ, при благовидныхъ средствахъ; и хотя онъ не хотѣлъ бы совершенно отказаться отъ любви, однакожь любовь эта должна была не только совпадать съ тою будущностью, къ которой онъ стремился, но по возможности ей содѣйствовать. Противъ самой Винфриды онъ ничего не имѣлъ: она была съ состояніемъ, хорошей фамиліи и ея репутація, даже при всѣхъ незаслуженныхъ укорахъ, надавшихъ на нее, была чиста и благородна. Но ему мѣшалъ ребенокъ. Покуда Мери будетъ при Винфридѣ, она не могла быть его женою, потому что покуда этотъ ребенокъ останется при ней и будетъ носить ея имя, толкамъ и пересудамъ конца не будетъ,—а жена его должна быть не только чиста передъ Богомъ, но и безукоризненна передъ людьми. Ей необходимо предстоялъ выборъ между

любовью къ нему и къ ребенку; вмѣстѣ эти двѣ любви существовать не могли.

Съ такими-то чувствами, Луи послѣ болѣе нежели двухъ-годоваго отсутствія возвратился въ Соутъ-Шоръ для устройства своей свадьбы, и таковы были разсужденія, переданныя имъ Винфридъ въ первый день его прїѣзда.

— Я надѣюсь, Луи, что ты говоришь не серьезно? сказала она, поблѣднѣвъ.

— Какъ нельзя серьезно, душа моя; нельзя же жить на свѣтѣ, не призывая на помощь здраваго разсудка; нельзя всегда слѣдовать своимъ чувствамъ, вопреки лучшимъ своимъ интересамъ.

— Но измѣна чести и клятвамъ никогда не должны быть въ нашихъ интересахъ, Луи, сказала Винфрида.

— Измѣна чести и клятвамъ,—слова тяжелыя, Винфрида.

— Но справедливыя, мой другъ.

— Пусть будетъ по твоему, — но безчестіе ли это или нѣтъ, оно должно быть такъ, съ досадой сказалъ Луи. Я разъ навсегда отказываюсь поддерживать это глупое усыновленіе, и не признаю ни обязанности твоей, ни права продолжать его. Отдай ребенка въ пансіонъ, я не требую, чтобы она была отдана въ рабочій домъ, не хочу ей зла,—но я непремѣнно требую, чтобы ея не было въ моемъ домѣ и чтобы она не носила твоего имени.

— Не говори этого, Луи, отвѣчала Винфрида, дрожа всѣмъ тѣломъ,—не говори, что я должна оставить ребенка: это значило бы, что я должна лишиться тебя. Я могу принести въ жертву свое сердце, Луи, но не могу измѣнить своей клятвѣ.

— Глупости! Неужели разгоряченное воображеніе восторженной дѣвушки можетъ быть поставлено на ряду съ моей любовью, Винфрида?

— О Луи! воскликнула Винфрида, — ничто въ мірѣ не можетъ стать на ряду съ моей любовью, кромѣ обязанности.

— Обязанности твои должны принадлежать мнѣ.

— И безпомощнымъ и мертвымъ, тихо сказала Винфрида.

— Стало быть, ты не любишь меня, Винфрида!

— Ты мнѣ дороже жизни, Луи, съ жаромъ сказала она.

— Но не дороже этого глупаго ребенка?

— Не дороже чести, обязанности и моего обѣта, сказала она, проливая слезы.

— Довольно! сказалъ Луи вставая: въ твоихъ рукахъ твоя и моя судьба. Подумай хорошенько прежде, нежели рѣшишься, и помни, что тебѣ предстоитъ выборъ между сусвѣріемъ, придаваемымъ буквальному значенію слова, и моею любовью, моимъ счастьемъ и жизнью.

Съ этими словами онъ угрюмо вышелъ изъ комнаты.

Таковъ былъ первый разговоръ, за которымъ послѣдовало безчисленное множество ему подобныхъ, на тотъ же предметъ и въ томъ же тонѣ. Луи сердился, Винфрида огорчалась, но оба оставались непреклонны, и послѣ cadaго спора расходились менѣе расположенными къ уступкѣ. Наконецъ въ одинъ день Луи, разгорячившись болѣе обыкновеннаго, даже поклялся, что ни за что не женится на женщинѣ, не соглашающейся на предлагаемыя имъ условія, а Винфрида рѣшительно объявила, что она ни его, ни своего счастья не согласится купить цѣною измѣны и безчестія. Вслѣдствіе этого Луи отправился въ Лондонъ и на слѣдующій день написалъ такое письмо, на которое Винфридъ оставалось только отвѣчать возвращеніемъ ему даннаго ею слова. Этотъ отвѣтъ весьма огорчилъ, но не поколебалъ его, онъ чувствовалъ, что ему оставалось отказаться отъ всѣхъ надеждъ на мирное счастье, и посвятить жизнь свою единственно честолюбію.

Такимъ образомъ, двѣ жизни, которымъ предстояло соединиться на вѣки, не только разъединились, но даже сдѣлались совершенно чуждыми одна другой. Однакожь хотя Луи снова обратился къ свѣту, къ образу жизни, который преимущественно любилъ,—онъ не былъ счастливъ, потому что не находилъ мира внутри себя. Даже теперь, когда онъ еще всего надѣялся отъ честолюбія, оживленный страстью и пыломъ борьбы, онъ часто чувствовалъ хотя темныя, но все-таки вѣрныя сомнѣнія; а Винфрида между тѣмъ дѣлалась молчаливой, грустной, преждевременной старухой, находившей единственную отраду свою въ той любви, которой она принесла въ жертву все счастье жизни. Если бы не было Мери, то она вѣроятно умерла бы въ первые годы своего вдовства,—потому что для нея потеря друга точно уподоблялась вдовству; но сила, давшая ей возможность принести эту жертву, дала ей и возможность пережить ее, а любовь, которой она была принесена была ея наградой.

Вскорѣ умерла мать Винфриды, и она вмѣстѣ съ ребенкомъ оставила Соутъ-Шоръ. Онъ отправились въ Девонширъ, наняли себѣ тамъ домикъ въ прелестнѣйшемъ мѣстѣ графства, и вели тамъ жизнь мирную, уединенную, при чемъ воспитаніе Мери было главнымъ занятіемъ Винфриды. Мери носила одну фамилію съ Винфридой, слыла ея племянницей, и даже материнское обращеніе съ нею Винфриды и привычка Мери называть ее: «мама Винни» не возбуждали подозрѣнія. Винфрида находила здѣсь жизнь даже болѣе сносною, чѣмъ въ старомъ жилищѣ своемъ, и духъ ея постепенно становился, если не веселѣе, то по крайней мѣрѣ спокойнѣе.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Какъ ни кинь — все клинь!

(Рис. И. О. Шестакова.)

Старикъ. Не стыдно ли тебѣ, Митюха! Человѣкъ товетъ, а ты чѣмъ бы помочь подать — прочь бѣжишь.

Митюха. Да, попробуй, ввяжись въ это дѣло, такъ и не радъ будешь: затаскаютъ вовсе, а пора теперь рабочая....

Его благородіе. Какъ ты смѣлъ, каналья, уклониться отъ оказанія помощи утопающему человѣку? а? вотъ Тока не струсилъ же: бросился и вытащилъ!

Тока. Да вотъ, Ваше Благородіе, я и вытащилъ, а все одно, что Митюху, таскаютъ, — ни зашто, ни прошто отъ дѣла отрываютъ!

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Депеша пятая. Шамиль попался въ плѣнь!
 Къ намъ въ Петербургъ его везутъ на крыльяхъ птицы,
 Царь грабежей, набьговъ и измѣнъ
 Жить будетъ во дворцѣ Таврическомъ въ столицѣ.
 Ландшафты дикіе Кайтуха, Веденей,
 Ему замѣнятъ виды Охты мирной,
 Пародию на лѣсъ дубовъ и тополей
 Представитъ паркъ березъ, заброшенный, старинный....
 Проказница судьба! Она нашъ родъ людской
 Порой безжалостно тасуетъ и сгибаетъ!
 Кто былъ еще на дняхъ въ странѣ своей грозой, —
 Сегодня — онъ собой мальчишекъ забавляетъ!

Кавказа дикій левъ слыть станетъ моднымъ львомъ,
 И именемъ его честить торговцы будутъ
 Фуражки, пирожки, бурнусы, — а потомъ
 Начнется опера — и весь его забудутъ.
 Теперь же онъ въ ходу! Представьте, что ему
 Навстрѣчу первый спѣгъ сегодня высыпаетъ!
 Еще зеленый листъ дерева покрываетъ,
 А мы приветствуемъ зиму,
 Тогда какъ календарь насъ лѣтомъ угощаетъ!
 Но впрочемъ календарь извѣстенъ всегдѣ давно:
 Не даромъ онъ попалъ подъ бритву эпитаграммы,
 Въ немъ правды иногда добиться мудрено,
 Какъ въ сплетняхъ про подругъ провинціальной дамы.

Что осень на дворъ, на то есть фактъ прямой:
Ужь «Сынъ Отечества» подписку открываетъ
И капитальною статьей

Онъ объявленіе въ двухъ нумерахъ пускаетъ!
Хозяйственный расчетъ тутъ врешь, — спора нѣтъ,
Ну, а подписчикамъ... а имъ-то что за дѣло?
Процессъ-то чтенія теперь ужь не секретъ, —
Вѣдь только буквами бумага бы пестрѣла!

Хроническій прогрессъ здѣсь чудеса творить!
Въ карманъ залзеть къ вамъ и васъ потомъ ругаетъ!
Да мало этого, — свалить вамъ поровить

Порокъ, которымъ самъ страдаетъ!
Вотъ вамъ примѣръ: на дняхъ, къ прохожему въ карманъ
Засунулъ руку франтъ, и, не найдя поклажи,
Публично сталъ ругать прохожаго, что кражей
Онъ занимается, вводя другихъ въ обманъ!

Прохожій логикъ подобной изумился,
Но прогрессивный франтъ прясно доказалъ,
Что даромъ пять минутъ съ карманомъ онъ возился,
А такъ какъ время — капиталъ,
Такъ капиталомъ тѣмъ прохожій поживился!

Представьте: перервать депешу мнѣ пришлось,
За тѣмъ, что телеграфъ депешами завалецъ,
Сію минуту вотъ явился купчикъ Салинъ
Москву увѣдомить, что «свѣтъ большой запросъ...»
«Осьмаго сентября... попридержаться надо...»
«Копѣекъ пять на фунтъ... расчеты пополамъ...»
«На биржѣ нѣтъ... жена вамъ будетъ очень рада...»
Тутъ смыслу не найдетъ и Мефистофель самъ!
Прощайте! я конецъ пришлю на дняхъ же вамъ.

А. К. Зловъ.

6 сентября, 9 час. 17 мин. вечера.
С.-Петербургъ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ.

II.

ОТРУБЛЕННЫЯ ГОЛОВЫ.

(Десять лѣтъ тому назадъ.)

Я шелъ по Нѣмецкой улицѣ.

— Куда вы спѣшите, Пидъ-Мичъ? сказалъ кто-то, оставивъ меня за фалды.

Я оглянулся. Передо мною улыбалось широкое лицо Онуфрія Герасимовича, перваго сплетника на всю Лефортовскую, Басманную и на половину Рогожской части. Ему все было известно; онъ ни въ чемъ не сомнѣвался. Обязанность его, принятая имъ на себя совершенно произвольно, состояла въ томъ, чтобы передавать всѣмъ новости въ самомъ пльни-

тельномъ видѣ. Анекдотъ за анекдотомъ сыпались у него, какъ горохъ изъ прорвавагося мѣшка. Онъ не успокоивался, не умолкалъ, пока не высказывалъ всего и при этомъ страшно торопился; — вотъ почему собственныя имена произносилъ какъ-то особенно сжато. Въмѣсто: «Петръ Дмитриевичъ» онъ называлъ меня «Пидъ-Мичъ!»

Не дожидаясь моего отвѣта, Онуфрій Герасимовичъ спросилъ:

— Слышали вы новость?... Каково отличилась Нѣмецкая улица!... Голову-то отрубили?...

— Кому?

— Неужели вы не слышали?... Какъ же-съ!... Вотъ у меня и номеръ записанъ! — продолжалъ онъ скороговоркой, вытаскивая поспѣшно изъ боковаго кармана какую-то бумагу и ударивъ по ней двумя пальцами.

— Чей номеръ?... Какой головы?...

— Не головы, а мясной лавки!... Вотъ она: На Нѣмецкомъ рынкѣ, лавка купца Баткина № 4010!...

И онъ убѣдительно ткнулъ мнѣ почти въ самый носъ бумагой.

— У мясной лавки голову отрубили?... Что же это значитъ? Я не понимаю!...

— Не у мясной лавки! сказалъ нетерпѣливо Онуфрій Герасимовичъ, — видно, что вы ничего не знаете!... Это, я вамъ доложу-съ, преинтересная исторія!... Чего у насъ полиція смотритъ, я не понимаю!... Какъ это можно, чтобы среди бѣлаго дня позволить отрубить голову, и кому же еще—старухъ, старухъ!... Это ни на что не похоже! Да послѣ этого носа нельзя показать на улицу! Того и смотри, что домой вернешься безъ головы!... Очень приятно!... А все потому, что полиція спитъ!...

— Да какой же старухъ? Я ничего не слыхалъ!

— А вотъ, изволите видѣть: вчера моя кухарка пришла съ рынка и говоритъ женѣ: Вотъ г—ритъ, страсти какія! Мясники отрубили голову старухъ! Какимъ манеромъ? А такъ, г—ритъ, онъ хотѣлъ, г—ритъ, отрубить ей кусокъ говядины, а она, г—ритъ, въ это время наклонилась посмотреть, хорошъ ли кусокъ; а онъ, г—ритъ, въ это время хватъ! махнулъ топоромъ прямо ей по головѣ!

— Неужели это правда?

— Какъ же не правда? Старуха своими глазами видѣла это и сама рассказывала моей кухаркѣ.

— Да вы же говорите, что ей отрубили голову?... Какъ же могла она рассказывать? Развѣ передъ этимъ?

— Не та старуха, а другая—понимаете ли? Старуха видѣла, какъ другой старухъ отрубили голову, ну, и пересказала моей кухаркѣ.

— А! Теперь понимаю!

— Каково? Я сначала самъ не хотѣлъ вѣрить. Говорю, быть не можетъ! Нарочно еще зашелъ въ угловую лавку, спрашиваю, правду ли говорятъ, что на Нѣмецкомъ рынкѣ отрубили старухъ голову? Мнѣ сказали, что видать не видали, а точно слышали, не знаю, правда, или нѣтъ! Сегодня утромъ завернулъ я къ Пав—Костычу *). У него дома

*) Павлу Константиновичу.

такая передрага, что страсть! Кухарка нейдетъ на рынокъ! Боюсь, г—ритъ, голову отрубятъ! Ну вотъ, что хочешь, то и дѣлай, — хоть безъ обѣда оставайся! Дай, думаю, пойду самъ удовлетворюсь! Вотъ и иду теперъ.... А вы куда?

— Домой.

— Не хотите ли со мной? А?

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю.

— Ну такъ я забѣгу къ вамъ съ рынка! Разузнаю, что такое.

— Сдѣлайте одолженіе!

Онуфрій Герасимовичъ отправился быстрыми шагами, натѣкаясь поминутно на выходящихъ изъ трактира рабочихъ, и скрылся при поворотѣ въ переулокъ.

Не прошло полчаса, онъ уже сидѣлъ у меня и разглагольствовалъ.

— Такъ и есть! говорилъ онъ, отирая платкомъ крупныя капли пота, катившіяся по его вискамъ:—я зналъ, что это вздоръ!... Вообразите, прихожу я въ мясную лавку и спрашиваю, правда ли это, что вчера у нихъ отрубили голову старухъ? Хозяинъ отвѣчаетъ мнѣ, что къ нимъ уже нѣсколько человѣкъ приходило спрашивать объ этомъ самомъ; даже нынче утромъ самъ квартальный пришелъ: что г—ритъ, это за слухи такого рода ходятъ? Откуда они взялись?—Хозяинъ началъ разыскивать: кто былъ вчера утромъ въ лавкѣ?... Чтожъ оказывается? Утромъ молодцы пошли въ заведеніе чай пить. Въ лавкѣ остался одинъ мальчишка. Приходитъ старушенка—гроша не стобитъ! Спрашиваетъ фунтъ говядины. Мальчишка положилъ кусокъ на этотъ, какъ тамъ у нихъ называется, знаете, этакой срубъ, и хотѣлъ рубить, а старуха наклонилась, изволите видѣть, и ворочаетъ пальцами кусокъ-то, выбираетъ, знаете, которая часть получше. Мальчишкѣ надоело ждать что ли, только онъ и говоритъ ей: смотри, г—ритъ, ты, старуха! Не очень суйся съ носомъ подъ топоръ! А то вчера этакъ старуха носъ-отъ подставляла, такъ ей топоромъ такъ уго-раздили, что она и не встала! Онъ это, знаете, зубы скалилъ, а старуха съ дуру-то и повѣръ: поди да и расскажи, да еще прибавила, что сама видѣла!... Вотъ она вся исторія.... Это удивительно, какъ у насъ въ Москвѣ любятъ сплетничать! Просто, я вамъ говорю, ничему вѣрить нельзя! Ипой разъ ужъ такую ахиною несутъ, что просто уши вянутъ, а все-таки передаютъ одинъ другому, да еще прибавляютъ: этому, г—ритъ, вѣрить, нельзя! А къ чему же рассказывать-то?

Тутъ Онуфрій Герасимовичъ перевелъ духъ.

— Однако, шутки въ сторону! продолжалъ онъ съ новой энергіей:—въ последнее время въ Москвѣ страшно шалить начали! То-есть, какъ шалить: хлопнуть, напримѣръ, васъ по головѣ железной кошкой съ лапами, этакъ пудовъ въ двадцать-съ.... Да-съ! Недавно случилось одно занимательное происшествіе: какой-то молодой человѣкъ, купецъ, что-ли, неизвѣстно, получилъ, изволите видѣть, изъ опекунскаго совѣта семьдесятъ пять тысячъ серебромъ, только-съ. Оттуда онъ отправился пѣшкомъ къ Деписовымъ банямъ. Идетъ—вотъ тутъ близко, по переулку, встрѣчаетъ женщину въ салопѣ, въ шляпкѣ, подъ вуалемъ.... Онъ, зна-

ете, молодой человѣкъ, ну и къ ней: не угодно ли, г—ритъ, проводить? То да сѣ, пятое да десятое, она и говоритъ ему: поѣдьте, г—ритъ, ко мнѣ! Онъ, г—ритъ хорошо! взяли извозчика и повѣхали. Ъдутъ по глухому переулку. А это, изволите видѣть, была не женщина, а переодѣтый мошенникъ! онъ какъ выхватитъ ножъ, да съ одного размаха отрубилъ голову ему и извозчику! денежки обобралъ, да и тягу-съ.... Ничего не могли вайти: такъ и скрылся, какъ въ воду канулъ!...

— Какимъ же образомъ узнали всю эту исторію?

Онуфрій Герасимовичъ немножко призадумался.

— Ну ужъ этого я не могу вамъ сказать! проговорилъ онъ скоро:—да что!... Со мной недавно было происшествіе!.. Меня чуть-чуть не убили!... Вообразите, я тоже вѣхалъ вдвоемъ: я и Иль Яличъ *). Ужъ къ самому дому подѣхали; вотъ вѣдь дерзость какая! Иль Яличъ расплачивается съ извозникомъ, а я гляжу: идутъ пять человѣкъ-съ, каково вамъ покажется? И съ ними баба, будто пьяная. Трое зашли впередъ, а двое поотстали; я соскочилъ съ дрожекъ, звоню и кричу нарочно громко, чтобы они слышали: да ну, же, отпирай скорѣе! что ты копаешься! знаете, чтобы показать имъ, что уже отпираютъ, а куда! никого нѣтъ! Они видятъ, что дѣлать-то нечего, прошли, не тронули!... А вотъ недавно преуморительное было происшествіе — это фактъ!... Около дворца, изволите видѣть, по набережной, ночью пробиралась старуха. Никого не было; кругомъ пусто. Смотритъ она — впереди кто-то идетъ къ ней навстрѣчу. Она вообразила, что это жуликъ, и стала за фонарный столбъ, думаетъ себя,—пусть пройдетъ! А жуликъ тоже притаился за другой фонарный столбъ и тоже выглядываетъ — вѣрно поджидаетъ!... А тутъ, какъ на зло, ни живой души! Ночь лунная. Все видно. Выглянетъ моя старуха — и жуликъ тоже выглянетъ — и спрячется!... Такъ это она, изволите видѣть, просидѣла до утра! Какъ стало свѣтать — стали показываться люди. Старуха рѣшилась выйдти. Жуликъ тоже выходитъ къ ней на встрѣчу.... Смотритъ она — что-жъ бы вы думали? Это была такая же точно старуха, какъ она: онъ приняли другъ друга за жуликовъ и всю ночь изволили проглядѣть другъ на друга!... Каково вамъ покажется!... А?... Ха, ха, ха!...

МАРЧЕНКО.

П А Р О Д І Я .

Что глядишь на кресты и медали,
И на пеструю радугу лентъ?
Эти знаки — величья скрижали,
Громкой славы земной документъ.
И зачѣмъ ты, алкая величья,
Такъ торопишься шею сломить?
Тѣхъ заманчивыхъ знаковъ отличья
Не удастся тебѣ получить.

*) Илья Ильичъ.

Твои планы на громкую славу—
Въчно будутъ обманчивымъ сномъ:
Ты поступишь на службу въ управу,
И назначать тебя въ ней писцомъ.

И придется тебѣ тамъ, изгнанникъ,
Злую, горькую долю терпѣть:
Будеть грызть тебя столоначальникъ,
Секретарь будетъ косо смотреть;

Отъ работы сухой и безплодной
Ты разъучишься смѣло мечтать,
И, отвыкнувъ отъ мысли свободной,
Будешь перья чинить, да писать.

На чель твою, прежде высокою,
Униженія ляжетъ печать:
Будешь взятки ты брать тихомолкомъ
И себя къ плутовству приучать.

И оставишь ты миръ—эту клятву,—
Не скорбя, не жалѣя о немъ,
Развъ вспомнишь шалунью-сосѣдку,
Что ходила къ тебѣ вечеркомъ;

Да проводить тебя на кладбище,
Погруженный глубоко въ мечты,
Твой старинный и вѣрный дружище,
Горемыка такой же, какъ ты.

Не гляди-жь на кресты и медали,
На блестящую радугу лентъ—
Эти знаки—величья скрижали,
Громкой славы земной документъ.

Н. Потаповъ.

ИЗЪ СТАРИНЫ.

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГІЯ.

При Петръ Великомъ были основаны Коллегіи, между прочимъ и Военная Коллегія, а прежде были различнаго рода Приказы. По новости учрежденія, изъ Военной Коллегіи былъ посланъ указъ въ Новгородскій Приказъ, въ которомъ между прочимъ было написано: *(Копія.) Прислать въ Военную Коллегію съ старинныхъ дѣлъ точныя копіи; и прислать при немъ экстрактъ.*—Жители, получивъ такой указъ, собрались на сходъ думать, что это значитъ: Военная Коллегія, и что за Евстратъ, и что за точныя копіи? Думали нѣсколько дней, и вотъ одинъ изъ нихъ, бывшій попровориве и посмышленѣе, говоритъ: «Я знаю, что значитъ Военная Коллегія—это значитъ Князя Меньшикова сестра Варвара;» съ чѣмъ все согласились и написали слѣдующій отвѣтъ: «Милостивая Государыня Военная Коллегія Варвара Даниловна! Изволила ты къ намъ, рабамъ твоимъ, въ Новгородъ писать, что посланъ къ намъ Евстратъ, и мы онаго Евстрата не видали, и искали по всемъ кварталамъ

три дни, что гдѣ онъ Евстратъ не пристае ли ночлеговать, и нигдѣ не нашли; а точныхъ копій во всемъ городѣ не отыскано, а найденъ оставшійся отъ ратныхъ людей бердышъ, который вашей милости при семъ препровождается». Подлинное подписано всеми жителями города. 17 марта 1701 года.

ОТЪ СТАРАГО ВОЕВОДЫ ВЪ СЕНАТЪ—РАПОРТЪ ВОЕВОДСКОЙ КАНЦЕЛЯРІИ.

Сего мая 20 числа, на память мученика Фалалея, волю Божію, отъ зароненія по содержанію Феклы Ларионовой, половина города выгорѣла до тла и съ пожитками, а изъ оставшейся половины города ползутъ тараканы въ поле, и видно, что быть и на эту половину гнѣву Божію, и на долго-ль коротко-ль, и той половины города горѣть, что и отъ старыхъ людей примѣчено. Того ради Правительствующему Сенату представляю, не благоугодно ли будетъ повелѣть градожилителямъ пожитки свои выбрать и оставшуюся половину зажечь, дабы не загорѣлся городъ не во время и пожитки все бы не сгорѣли.

ОТЪ СЕНАТА ОТВѢТЪ.

Половина города сгорѣла; велѣть обывателямъ строиться, а впредь тебѣ, Воеводѣ, не врать и другой половины города не зажигать; тараканамъ и старымъ людямъ не вѣрить, а дожидаться воли Божіей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

На дняхъ мы получили отъ одного изъ нашихъ иногородныхъ подписчиковъ письмо слѣдующаго содержания:

«Милостивый Государь!

«Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою болѣе нежели отъ двадцати лицъ изъ моихъ знакомыхъ, которые, какъ и я, желаютъ одного—продолженія «Росказней Карпа Иваныча», помѣщенныхъ въ началѣ года въ Вашемъ журналѣ «Развлеченіе».—Будьте увѣрены, что съ продолженіемъ этихъ рассказовъ Вы приобретете вдвое болѣе подписчиковъ изъ нашего города.

Примите увѣреніе» и пр.

Въ отвѣтъ на это письмо Редакція честь имѣетъ уведомить г. иногороднаго подписчика, что «Росказни Карпа Иваныча» прекратились только потому, что у автора ихъ, г. Карянова, истощился запасъ фактовъ, которые могли бы послужить любопытнымъ и занимательнымъ матеріаломъ для его очерковъ. Но мы надѣемся, что со временемъ въ нашемъ журналѣ будетъ продолженіе этихъ росказней, если они интересуютъ нашихъ т—скихъ читателей.

Редакторъ *Θ. Миллеръ.*